9. Furr N., Furr S. The Upside of Uncertainty: A Guide to Finding Possibility in the Unknown. – Boston: Harvard Business Review Press, 2022.
10.Lewis G. Sustainability and Sartre: Individual Freedom in the Anthropocene // Journal of Environmental Studies. – 2022. – Vol. 15, No. 4. – P. 313–328.
11.McLain D. L. The MSTAT-I: A Revised Measure of Psychological Response to Ambiguity // Educational and Psychological Measurement. – 1993. – Vol. 53, No. 1. – P. 183–189.
12.Penrod J. Nursing Theory and Concept Development or Analysis: Refinement of the Concept of Uncertainty // Journal of Advanced Nursing. – 2001. – Vol. 34, No. 2. – P. 238–245.

Рецензент: доктор психологических наук., профессор Камчыбек уулу М.

УДК 17.022.1
DOI 10.58649/1694-9099-2026-3-340-348

Лу Сяожань, Шайылдаева А.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Лу Сяожань, Шайылдаева А.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Lu Xiaoran, Shaiyldaeva A.K.
KNU Jusup Balasagyn

ORCID 0009-0009-7851-5286
ORCID 0009-0003-6412-829X

КОНФУЦИЙ ФИЛОСОФИЯСЫНДАГЫ ЖАНА КЫРГЫЗ ФИЛОСОФИЯЛЫК САЛТЫНДАГЫ КАМКОРДУКТУН АДЕП-АХЛАКТЫК НЕГИЗДЕРИ
НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАБОТЫ В ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИЯ И КЫРГЫЗСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ
MORAL FOUNDATIONS OF CARE IN THE PHILOSOPHY OF CONFUCIUS AND THE KYRGYZ PHILOSOPHICAL TRADITION

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Конфуций философиясындагы жана кыргыз философиялык салтындагы камкордуктун адеп-ахлактык негиздери салыштырма талдоого алынат. Камкордук өз алдынча түшүнүк катары гана эмес, адамгерчилик, үй-бүлөлүк милдет, улууларды урматтоо, өз ара жардамдашуу жана башка адам үчүн жоопкерчилик менен байланышкан мамилелердин тутуму катары каралат. Конфуцийдин *ren, xiao, li, yi* түшүнүктөрү Жусуп Баласагындын «Кутадгу билиг» чыгармасындагы жана кыргыз элинин адеп-ахлактык салтындагы адам, үй-бүлө, милдет жана жоопкерчилик жөнүндөгү түшүнүктөр менен салыштырылат. Изилдөөнүн жыйынтыгында эки салтты теңдештирбестен, алардагы камкордуктун жалпы нравалык өзөгү аныкталат. Камкордук үй-бүлөлүк мамилелерден башталып, коом алдындагы жоопкерчиликке чейин кеңейүүчү адеп-ахлактык мамиле катары мүнөздөлөт.

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ нравственных оснований заботы в философии Конфуция и кыргызской философской традиции. Забота рассматривается не как отдельное нравственное качество, а как система отношений, связанная с человеколюбием, семейным долгом, уважением к старшим, взаимопомощью и ответственностью за другого. Категории *ren, xiao, li, yi* сопоставляются с представлениями о человеке, семье, долге и ответственности, отраженными в «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына и кыргызской нравственной традиции. Показано, что сходство двух традиций проявляется прежде всего в признании нравственного значения отношений и семьи,

тогда как способы философского обоснования этих принципов различаются. Сделан вывод о расширяющемся характере заботы: возникая в отношениях с близкими, она способна становиться основанием более широкой общественной ответственности.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the moral foundations of care in the philosophy of Confucius and the Kyrgyz philosophical tradition. Care is considered not merely as an individual moral quality but as a system of relationships connected with benevolence, family duty, respect for elders, mutual assistance, and responsibility for others. The Confucian concepts of *ren, xiao, li,* and *yi* are compared with ideas of the person, family, duty, and responsibility represented in Jusup Balasagyn's *Kutadgu Bilig* and in the Kyrgyz moral tradition. The study demonstrates that the two traditions converge in recognizing the moral significance of human relationships and the family, while differing in the cultural and philosophical forms through which these principles are expressed. The article argues that care has an expanding character: originating in close interpersonal and family relations, it can develop into a broader form of social responsibility.

Негизги сөздөр: камкордук; Конфуций; кыргыз философиясы; адамгерчилик; үй-бүлө; адеп-ахлактык милдет; жоопкерчилик.

Ключевые слова: забота; Конфуций; кыргызская философия; человеколюбие; семья; нравственный долг; ответственность.

Keywords: care; Confucius; Kyrgyz philosophy; benevolence; family; moral duty; responsibility.

Введение. Забота относится к тем нравственным явлениям, которые человек осваивает значительно раньше, чем начинает осмысливать их теоретически. Ребенок впервые встречается с ней в семье, взрослый проявляет ее по отношению к детям, родителям и близким, а общество закрепляет определенные формы заботы в обычаях, нормах поведения и представлениях о должном. Поэтому заботу трудно свести только к чувству сострадания или отдельному доброму поступку. В ней соединяются отношение к другому человеку, признание его потребностей, ответственность и конкретное действие.

В современной моральной философии проблема заботы получила самостоятельное теоретическое развитие во второй половине XX века. Кэрол Гиллиган обратила внимание на нравственное значение отношений и ответственности, показав ограниченность подхода, при котором моральное суждение рассматривается преимущественно через универсальные правила и абстрактное понимание справедливости [1, с. 24–39]. Нел Ноддингс продолжила разработку этой проблематики, поставив в центр этического анализа непосредственное отношение между людьми [2]. В работах Джоан Тронто и Вирджинии Хелд забота получила более широкое социальное и политическое содержание [3; 4].

Однако сама нравственная практика заботы значительно древнее современной теории. Разные культуры выработали собственные представления о том, почему человек должен считаться с интересами другого, помогать близким, заботиться о родителях, уважать старших и принимать на себя ответственность за тех, кто от него зависит.

В философии Конфуция эти вопросы раскрываются через категории *ren* (仁), *xiao* (孝), *li* (礼), *yi* (义), а также через представление о нравственном самосовершенствовании человека. Особое место занимают семейные отношения: именно в них формируются первоначальные навыки уважения, ответственности и должного поведения [5].

Кыргызская философская традиция складывалась в иных исторических и культурных условиях. Нравственные представления передавались не только через письменные произведения, но и через устную культуру, эпическое наследие, пословицы, семейное воспитание, обычаи взаимопомощи и нормы отношения к старшим. Особое место в письменном наследии занимает «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына, где проблемы справедливости, разума, человеческого достоинства, долга и

ответственности рассматриваются в связи с устройством человеческой и общественной жизни [6; 7, с. 190–194].

Сопоставление философии Конфуция и кыргызской традиции не предполагает доказательства их исторической идентичности. Такой подход был бы методологически неверным. Речь идет о другом: каким образом две традиции, возникшие в разных культурных пространствах, отвечают на общий нравственный вопрос — на чем основывается ответственность человека за другого и каким образом забота о близких приобретает общественное значение?

Цель исследования — выявить и сопоставить нравственные основания заботы в философии Конфуция и кыргызской философской традиции.

Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрывается философское содержание понятия заботы; анализируются категории *ren, xiao, li* и *yi*; рассматриваются нравственные идеи «Кутадгу билиг» и кыргызской культурной традиции; устанавливаются сходства и различия двух моделей нравственной ответственности.

Научная новизна состоит в сравнении двух традиций не по принципу внешнего сходства отдельных норм, а через структуру нравственного отношения: близость — ответственность — действие — расширение ответственности за пределы семьи. На этой основе предлагается положение о расширяющейся структуре заботы, при которой ответственность формируется в непосредственных отношениях, прежде всего семейных, а затем приобретает более широкое социальное содержание.

Современная этика заботы сформировала важный теоретический язык для анализа человеческих отношений. К. Гиллиган, исследуя особенности морального суждения, обращает внимание на значение человеческих отношений, ответственности и сохранения связи с другим человеком [1, с. 24–39]. Н. Ноддингс развивает реляционное понимание заботы, рассматривая отношение между тем, кто заботится, и тем, кому адресована забота [2]. В. Хелд выводит проблематику заботы за пределы исключительно частных отношений и рассматривает ее значение для социальной и политической жизни [4]. Дж. Тронто также связывает заботу с вопросами ответственности, зависимости и организации общественных отношений [3].

Для настоящего исследования эти работы важны как методологическая основа, однако современное понятие этики заботы не следует механически переносить на древнекитайскую или средневековую тюркскую мысль.

Особенно показательна дискуссия о соотношении конфуцианской этики и «ethics of care». Chenyang Li сопоставляет конфуцианское «ren» с этикой заботы и выявляет существенные точки соприкосновения между двумя подходами [8, с. 70–89]. Shirong Luo развивает эту проблематику через понятие «relational virtue», рассматривая заботу как нравственное качество, возникающее и реализующееся внутри отношений [9, с. 92–110].

В то же время Daniel Star возражает против чрезмерного сближения этих традиций и показывает, что конфуцианскую этику нельзя просто отождествлять с современной этикой заботы [10, с. 77–106]. Этот спор имеет принципиальное значение для настоящего исследования. Он показывает, что методологически продуктивнее говорить не о тождестве, а о сопоставимости отдельных нравственных оснований.

Основным классическим источником для анализа взглядов Конфуция являются «Лунь юй» («Беседы и суждения»). В тексте *ren* выступает одной из центральных нравственных категорий. В изречении 12.22 человеколюбие раскрывается через отношение к людям, тогда как в 1.2 сыновняя почтительность и уважение к старшим связываются с основанием человеколюбия [5].

Особое значение имеет «xiao» — сыновняя почтительность. В «Лунь юй» 2.7 подчеркивается, что забота о родителях не исчерпывается их материальным содержанием: без уважения внешнее исполнение обязанности не обладает полной нравственной ценностью [5]. Следовательно, речь идет не только о выполнении определенной функции, но и о качестве отношения к другому человеку.

Категория «li» задает формы достойного и уместного поведения, а *yi* указывает на нравственно должное, которое не сводится к личной выгоде. В совокупности эти категории позволяют

рассматривать конфуцианскую нравственность как систему отношений, в которой характер человека формируется и обнаруживается через его поступки по отношению к другим [8, с. 70–89; 13, с. 881–896].

Исследование кыргызской части требует иной источниковой стратегии. «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына представляет собой один из важнейших письменных памятников тюркской философско-этической мысли [6].

Ы. М. Мукасов характеризует «Кутадгу билиг» как этико-дидактическое произведение, в котором вопросы человека, общества, нравственного воспитания и достойного поведения занимают существенное место [7, с. 190–194]. Д. М. Наурузбаев, Ж. А. Алтаев и Н. Т. Абдимомынов рассматривают произведение в контексте этики добродетели и выделяют справедливость, мудрость, разум и умеренность в качестве значимых принципов нравственного и общественного устройства [11, с. 450–466].

Существенным для настоящего исследования является также вопрос о связи письменного наследия Жусупа Баласагына с последующей кыргызской нравственной культурой. Ч. Сыдыкова, сопоставляя нормы поведения, представленные в «Кутадгу билиг», с кыргызскими пословицами, обнаруживает смысловые параллели в представлениях о нравственном поведении, уважении и человеческих отношениях [12, с. 298–314].

Таким образом, существующая литература позволяет перейти от параллельного описания двух культур к проблемному сравнению нравственных оснований ответственности за другого человека.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-философский, историко-философский и герменевтический методы.

Сравнительно-философский метод применяется для выявления общих и различных нравственных оснований заботы. При этом сравниваются не отдельные слова или внешне похожие обычаи, а функции, которые соответствующие нравственные нормы выполняют в системе человеческих отношений.

Историко-философский метод необходим для сохранения культурного контекста. Философия Конфуция формировалась в древнекитайской интеллектуальной традиции, тогда как «Кутадгу билиг» принадлежит средневековому тюрко-исламскому культурному пространству. Кыргызская нравственная традиция, кроме того, включает значительный пласт устного наследия.

Герменевтический метод используется при интерпретации классических понятий и текстов. Он позволяет избежать буквального отождествления терминов, сформировавшихся в разных языках, культурах и исторических эпохах.

Для сравнительного анализа выделены пять критериев: нравственное основание заботы о другом; место семьи в нравственном воспитании; отношение к родителям и старшим; связь заботы с нравственным долгом и практическим действием; переход от ответственности за близких к ответственности перед более широким сообществом.

Результаты исследования и их обсуждение. «Ren»: человеколюбие как отношение к другому. Одной из центральных категорий философии Конфуция является «ren». Переводы «человеколюбие», «гуманность», «человечность» передают разные стороны этого понятия, однако не исчерпывают его содержания.

Существенно то, что *ren* раскрывается через отношение человека к другим. В «Лунь юй» 12.22 оно непосредственно связывается с отношением к людям [5].

Это позволяет сделать важное для настоящего исследования наблюдение: нравственное совершенство в философии Конфуция нельзя представить исключительно как внутреннее качество изолированной личности. Оно проявляется и приобретает смысл в отношениях с другими людьми.

Именно здесь возникает основание для сопоставления «ren» с современной проблематикой заботы. Однако между ними нельзя ставить знак равенства. «Ren» представляет собой значительно более широкую нравственную категорию, тогда как *care* в современной этической теории имеет собственную историю и понятийный аппарат. Возможность и одновременно ограниченность такого

сопоставления хорошо видны в научной дискуссии между Chenyang Li и Daniel Star [8, с. 70–89; 10, с. 77–106].

Поэтому «ren» в настоящей статье рассматривается не как китайский эквивалент понятия «забота», а как одно из нравственных оснований заботливого отношения.

«Xiao»: семья как первая школа ответственности. Особенно отчетливо реляционный характер конфуцианской этики проявляется в понятии «xiao».

В «Лунь юй» отношение к родителям неоднократно рассматривается как важнейшая часть нравственного поведения. Причем сыновняя почтительность не ограничивается послушанием или материальным обеспечением.

В изречении 2.7 Конфуций обращает внимание на различие между простым содержанием родителей и нравственным отношением к ним. Если человек только обеспечивает родителей, но не проявляет уважения, такое поведение еще не выражает полноценного «xiao» [5].

Этот фрагмент особенно важен для анализа заботы. Он позволяет провести различие между формальным выполнением обязанности и нравственным качеством отношения.

Можно выполнить обязанность, но при этом не проявить подлинного внимания к человеку. Следовательно, забота предполагает не только результат действия, но и характер отношения к другому.

Семья при таком подходе оказывается первым пространством, где человек учится учитывать потребности другого, ограничивать собственный эгоизм и принимать устойчивые обязательства.

«Li» и «yi»: от нравственного отношения к поступку. Забота не может существовать только как внутреннее переживание. Она должна получить выражение в поведении.

В философии Конфуция эту сторону проблемы позволяют раскрыть категории «li» и «yi».

«Li» связано с ритуальной правильностью, нормами и формами поведения. Его значение не исчерпывается внешним соблюдением правил. Через устойчивые формы поведения человек выражает уважение и признает другого участником нравственных отношений. Именно роль «li» в конфуцианском понимании заботы подробно рассматривает K. M. Epley [13, с. 881–896].

«Yi» обычно связывается с нравственной правотой и должным и тем самым противопоставляет нравственно мотивированное действие простой личной выгоде.

В результате «ren», «xiao», «li» и «yi» образуют не механический набор добродетелей, а взаимосвязанную нравственную структуру: отношение к другому приобретает определенную форму, а нравственное намерение получает подтверждение в поступке [8, с. 70–89; 13, с. 881–896].

Отсюда следует первый результат исследования: в философии Конфуция заботливое отношение может быть реконструировано через единство человеколюбия, семейной ответственности, уважения и должного действия.

Нравственные основания заботы в кыргызской философской традиции. При обращении к кыргызской традиции важно избежать попытки найти прямые переводы китайских категорий.

Кыргызская философская культура имеет собственную историю и формы выражения нравственного опыта. Значительная его часть закреплялась не в специальных философских трактатах, а в эпическом наследии, пословицах, обычаях, семейном воспитании и повседневных отношениях [12, с. 298–314].

Поэтому забота здесь обнаруживается прежде всего через практики взаимной ответственности.

Семья и родственные отношения традиционно являлись пространством, где человек получал первый опыт нравственных обязанностей. Отношение к родителям и старшим включало уважение, помощь и признание жизненного опыта старшего поколения.

Однако было бы недостаточно объяснять эти отношения исключительно традиционным этикетом. За ними стояло представление о взаимной зависимости поколений: человек получает поддержку от семьи и одновременно принимает обязанности по отношению к ней.

Эта логика близка нравственной природе заботы именно потому, что ответственность здесь не является одноразовым действием. Она встроена в длительные человеческие отношения.

«Кутадгу билиг»: нравственность человека и благополучие других. Особое значение для философского анализа имеет наследие Жусупа Баласагына.

«Кутадгу билиг» нельзя называть трактатом об этике заботы в современном смысле. Предмет произведения значительно шире. В нем рассматриваются человек, власть, справедливость, разум, знание, умеренность и нравственное устройство общества [6; 7, с. 190–194].

Именно эта широта позволяет увидеть важную особенность философии Баласагына: личные качества человека рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи с его поступками, общественными обязанностями и последствиями решений для других людей.

Справедливость приобретает общественное значение потому, что от нее зависит положение других. Разум необходим человеку для принятия правильных решений. Нравственные качества правителя, в свою очередь, непосредственно отражаются на положении тех, за кого он несет ответственность [11, с. 450–466].

Современные исследования «Кутадгу билиг» также показывают центральное место справедливости, мудрости, нравственного поведения и ответственности в философской структуре произведения [7, с. 190–194; 11, с. 450–466].

Для настоящего исследования это позволяет расширить понимание заботы.

Если в семье ответственность возникает вследствие непосредственной близости, то в общественной жизни она может возникать вследствие положения человека и последствий его решений для других. Таким образом, забота приобретает социальное измерение.

Взаимопомощь как практическая форма заботы. Кыргызская нравственная традиция позволяет увидеть еще одну существенную сторону рассматриваемой проблемы — практический характер помощи.

Человек, оказавшийся в сложной ситуации, исторически рассчитывал не только на собственные силы. Родственные и общественные связи предполагали участие других людей. Нравственные нормы, закрепленные в кыргызских пословицах, также отражают значимость человеческих отношений, взаимного уважения и социально одобряемого поведения [12, с. 298–314].

В этом контексте забота не ограничивается сочувствием.

Сочувствовать — значит эмоционально откликнуться на положение другого. Заботиться — значит признать его положение значимым для себя и, насколько это возможно, действовать.

Именно поэтому взаимопомощь представляет интерес не только для этнографического описания. В ней обнаруживается нравственная идея взаимной ответственности.

Сопоставление нравственных положений «Кутадгу билиг» и кыргызских пословиц показывает преемственность ряда представлений о достойном поведении, уважении и человеческих отношениях в тюркском и кыргызском культурном пространстве [12, с. 298–314].

Забота, сострадание, человеколюбие и долг: границы понятий. Одной из проблем исследования заботы является близость данного понятия к другим нравственным категориям.

Сострадание связано прежде всего с эмоциональным откликом на состояние и страдание другого.

Человеколюбие выражает общую положительную нравственную направленность отношения к людям.

Долг предполагает признание обязанности действовать определенным образом.

Забота, на наш взгляд, объединяет несколько компонентов: внимание к конкретному другому, признание его потребности, принятие ответственности и практическое действие. Современная этика заботы именно поэтому делает акцент на отношениях и ответственности, а не только на применении универсального нравственного правила [1, с. 24–39; 2; 3; 4].

Такое разграничение особенно важно для сравнительного анализа.

«Ren» нельзя автоматически переводить словом «забота». «Xiao» также нельзя полностью отождествлять с заботой о родителях. Точно так же кыргызские нормы взаимопомощи сами по себе еще не образуют философскую «этику заботы» [8, с. 70–89; 10, с. 77–106].

Но все эти явления содержат элементы нравственного отношения, без которых забота невозможна.

Общее и различное в двух философских традициях. Проведенный анализ позволяет выделить несколько точек соприкосновения.

Первая — реляционное понимание человека. Нравственная личность формируется не в изоляции, а во взаимодействии с другими.

Вторая — особая роль семьи. В обеих традициях семейная среда становится первоначальным пространством освоения ответственности.

Третья — межпоколенческая связь. Отношение к родителям и старшим имеет нравственное значение и связано с передачей жизненного опыта.

Четвертая — практический характер нравственности. Достоинство человека подтверждается не декларацией ценностей, а поведением.

Пятая — возможность расширения ответственности за пределы семьи.

Однако различия не менее существенны.

Философия Конфуция располагает разработанным категориальным языком, в котором «ren», «xiao», «li» и «yi» находятся в определенной смысловой взаимосвязи [8, с. 70–89; 13, с. 881–896].

Кыргызская философская традиция более неоднородна по форме. Ее нравственное содержание раскрывается через письменное наследие, эпическую и устную культуру, пословицы, семейные нормы и практику взаимопомощи [7, с. 190–194; 12, с. 298–314].

Различается и исторический контекст. Конфуцианская система формировалась в условиях древнекитайской культуры. «Кутадгу билиг» относится к средневековой тюрко-исламской интеллектуальной традиции [11, с. 450–466]. Поэтому внешнее сходство нравственных норм само по себе не доказывает ни их тождества, ни общего происхождения.

Именно сохранение этого различия делает сравнительный анализ методологически корректным.

Расширяющаяся структура заботы как результат сравнительного анализа. Главный результат исследования связан с вопросом о том, каким образом частное отношение к близкому человеку приобретает более широкое нравственное значение.

В обеих рассматриваемых традициях семья выступает исходным пространством ответственности, однако нравственность не остается исключительно внутри семьи.

В философии Конфуция нравственное воспитание личности начинается с ближайших отношений и получает продолжение в более широком общественном поведении [5].

В кыргызской традиции семейная ответственность дополняется нормами взаимопомощи и обязанностями человека перед более широким кругом людей. В «Кутадгу билиг» эта логика получает философско-политическое развитие: нравственные качества человека, особенно обладающего властью, имеют последствия для всего общества [7, с. 190–194; 11, с. 450–466].

На основании проведенного сопоставления предлагается понятие расширяющейся структуры заботы:

близость → внимание к другому → ответственность → действие → расширение круга ответственности.

Такой подход не означает, что человек одинаково заботится обо всех.

Напротив, забота обычно возникает в конкретных отношениях. Однако нравственный опыт, приобретенный в них, способен сформировать более широкую готовность учитывать положение другого человека.

В этом заключается точка, в которой философия Конфуция, кыргызская нравственная традиция и современная этика заботы могут вступать в содержательный диалог, не утрачивая собственных исторических и культурных различий.

Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, забота не сводится к отдельному нравственному чувству. Она представляет собой отношение, в котором соединяются внимание к другому человеку, ответственность и практическое действие.

Во-вторых, философия Конфуция содержит развитую систему категорий, позволяющих раскрыть нравственные основания такого отношения. «Ren» указывает на человеколюбие и нравственную направленность к другому, «xiao» раскрывает межпоколенческую ответственность, *li* придает отношению форму достойного поведения, а *yi* связывает поступок с представлением о нравственно должном [8, с. 70–89; 13, с. 881–896].

В-третьих, кыргызская философская традиция выражает сходную проблематику иными средствами. Семейная ответственность, уважение к старшим и взаимопомощь закреплены в культурной практике, тогда как «Кутадгу билиг» позволяет рассматривать вопросы справедливости, долга, мудрости и ответственности на философском уровне [7, с. 190–194; 11, с. 450–466; 12, с. 298–314].

В-четвертых, обнаруженные сходства не дают основания отождествлять две традиции. Они возникли в разных историко-культурных условиях и используют различные способы нравственного обоснования.

В-пятых, современную этику заботы нельзя механически переносить на Конфуция или Жусупа Баласагына. Более корректно использовать ее как аналитический инструмент, позволяющий поставить перед классическими традициями новый исследовательский вопрос [8, с. 70–89; 10, с. 77–106].

Основной научный результат исследования выражается в положении о расширяющейся структуре заботы. В обеих традициях нравственная ответственность первоначально формируется в непосредственных отношениях, прежде всего в семье, но не обязательно остается ограниченной ими. При определенных условиях она приобретает более широкое общественное содержание.

Практическое значение этого вывода связано прежде всего с воспитанием и образованием. Уважение к старшим, помощь близким и ответственность не должны передаваться молодому поколению только как формальные правила поведения. Важно раскрывать их нравственный смысл — способность видеть другого человека, учитывать последствия собственных поступков и принимать ответственность.

Перспективным направлением дальнейшего исследования может стать более детальное сопоставление отдельных категорий «ren», «xiao», «li» и «yi» с нравственными понятиями тюркского и кыргызского философского наследия. Отдельного изучения заслуживает вопрос о том, как традиционные формы заботы меняются в современном китайском и кыргызском обществах под влиянием урбанизации, индивидуализации и трансформации семьи.

Список использованной литературы

1. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. – 184 p.
2. Noddings N. Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 216 p.
3. Tronto J. C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. – New York: Routledge, 1993. – 226 p.
4. Held V. The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 211 p.
5. Конфуций. Беседы и суждения («Лунь юй») / пер. с кит. П. С. Попова. – М.: АСТ. – 224 с.
6. Баласагуни Ю. Благодатное знание / изд. подгот. и пер. с караханид.-уйгур. С. Н. Иванова. – М.: Наука, 1983. – 558 с.
7. Мукасов Ы. М. Юсуф Баласагунинин «Кутадгу билиги» – этикалык-дидактикалык чыгарма // Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын кабарлары. – 2023. – № 3. – С. 190–194.

8. Li Chenyang. The Confucian Concept of Jen and the Feminist Ethics of Care: A Comparative Study // Hypatia. – 1994. – Vol. 9, No. 1. – P. 70–89. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.1994.tb00110.x.
9. Luo Shirong. Relation, Virtue, and Relational Virtue: Three Concepts of Caring // Hypatia. – 2007. – Vol. 22, No. 3. – P. 92–110. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.2007.tb01092.x.
10.Star D. Do Confucians Really Care? A Defense of the Distinctiveness of Care Ethics: A Reply to Chenyang Li // Hypatia. – 2002. – Vol. 17, No. 1. – P. 77–106. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.2002.tb00681.x.
11.Наурузбаев Д. М., Алтаев Ж. А., Абдимомынов Н. Т. Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни о добродетельном лидерстве: средневековый тюрко-исламский философский дискурс в «Кутадгу Билиг» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 450–466. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-450-466.
12.Sıdıkova Ç. Kutadgu Bilig Eserindeki Görgü Kurallarının Kırgız Atasözlerinde Görünümü // Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – 2019. – Vol. 4, No. 2. – P. 298–314. – DOI: 10.32321/cutad.620724.
13.Epley K. M. Care Ethics and Confucianism: Caring through Li // Hypatia. – 2015. – Vol. 30, No. 4. – P. 881–896. – DOI: 10.1111/hypa.12158.
14.Доолотбакова Р. Жусуп Баласагын – государственный и общественный деятель // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 29–36.

Рецензент: философия илимдеринин доктору, профессор Осмонова Д.А.

УДК 1(510:575.2)
DOI 10.58649/1694-9099-2026-3-348-353

Юй Цзи, Абдрасулов С.М., Шайылдаева А.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Юй Цзи, Абдрасулов С.М., Шайылдаева А.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Yu Ji, Abdrasulov S.M., Shaiyldaeva A.K.
KNU Jusup Balasagyn

ORCID 0009-0002-7349-6599
ORCID 0009-0003-6412-829X
ORCID 0009-0002-4242-5587

КЫТАЙ ФИЛОСОФИЯСЫНЫН ИДЕЯЛАРЫНЫН КЫРГЫЗДАРДЫН РУХАНИЙ МАДАНИЯТЫНДА ЧАГЫЛДЫРЫЛЫШЫ
ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ
REFLECTION OF CHINESE PHILOSOPHICAL IDEAS IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE KYRGYZ PEOPLE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада кытай философиясынын айрым идеялары кыргыздардын руханий маданияты менен салыштырма-философиялык негизде каралат. Негизги көңүл Конфуций философиясындагы адамгерчилик, улууларды жана ата-энени урматтоо, адеп-ахлактык өзүн-өзү өркүндөтүү жана гармония принциптерине бурулат. Бул идеялар кыргыз элинин руханий маданиятында калыптанган адамгерчилик, үй-бүлөлүк жоопкерчилик, улууларды урматтоо, ынтымак жана адилеттүүлүк жөнүндөгү түшүнүктөр менен салыштырылат. Кыргыз философиялык ой жүгүртүүсүнүн өзгөчөлүктөрү жана Жусуп Баласагындын «Кутадгу билиг» чыгармасындагы адеп-ахлактык баалуулуктар талданат. Изилдөөдө салыштырма-философиялык, тарыхый-философиялык